

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Редактор серии *А. Антонова*

Разработка серийного оформления *К. Гусарева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32   Отражение бабочки : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104406-0

Разомлевший от жары город потрясла страшная находка — в обмелевшем озере был найден красный автомобиль с женским трупом в багажнике. Машина пролежала на дне не один месяц, и теперь найти преступника будет непросто. Очень быстро выяснилось, что машину угнали с охраняемой стоянки, когда ее хозяйка отдыхала за границей. По ярлычку на дизайнерском платье жертвы удалось выяснить, что это взбалмошная певчиха Лера Огородникова, которая два года назад объявила всем, что улетает в Германию, и закатила прощальную вечеринку, после чего ее никто больше не видел. Даже лучшая подруга Огородниковой Лена Окуневская не знала, что Лера никуда не улетела. Впрочем, спросить Окуневскую нет возможности: она тоже умерла...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104406-0

Однажды философ Чжуан-цзы во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он не мог понять: Чжуан-цзы видел во сне, что он — бабочка, или бабочке теперь снится, что она — Чжуан-цзы?

Из старинной китайской притчи

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Дикая жара, сушь, выгоревшее небо, вымерший город. Такое выдалось лето в этом году. Пустые столики уличных кафе — от солнца не спасают даже зонтики. На пляжах яблоку негде упасть. Поплывать можно за буйками — только там относительный простор и не нужно расталкивать локтями и коленями галдящих отдыхающих. Можно махнуть на ближние озера за реку, но и там толпа. А к нудистскому пляжику вообще не пробиться. Можно на Магистерское, но оно далеко, и машиной не проедешь, а тащиться лень. Можно в Черное урочище в Еловицу, там же и шашлычки устроить, но сыrovато, и комаров полно. А бездонное Черное озеро подсохло, уровень воды упал, и подходы превратились в топь. Но зато народу поменьше, и все свои, окрестные, знакомые друг с другом. Словом, хорошая домашняя обстановка. Со скалы, исписанной разными словами, именами и памятными датами, можно с ревом или визгом нырять, поднимая при этом фонтаны брызг. Вокруг озера — круглая поляна со следами

старых кострищ, дальше — густой лес, что удобно — всегда можно уединиться и даже собрать ягод...

Черное озеро... Загадка природы! У-у-у, страшилка! По слухам, бездонное, реликтовое, утыканное валунами, принесенными ледником. И вода черная. И трава на дне, как живая, цепляет за ноги и держит. И легенды всякие жуткие про утопленниц, русалок, водяных. А еще говорят, живет в том озере доисторическая нечисть, выходит ночью, воеет на луну. Черная Несси. Очевидцы клянутся, что видели собственными глазами! А некий местный умелец, мастер на все руки, однажды изобрел эхолот и опустил его в озеро, надеясь обнаружить там дожившего до наших дней реликта или хоть кого-нибудь, но не судьба — то ли хитрый реликт держался подальше, то ли аппарат не добивал до дна.

Днем ничего, конечно, можно поприкалываться и попугать женский коллектив, сделать вид, что тонешь, поорать «Спасите!» или спихнуть подружку со скалы, а вот ночью... Ночью сюда лучше не соваться, это все знают. Тем более когда-то тут произошло страшное ритуальное убийство, было дело, и пару лет сюда никто носа не казал¹. Потом все подзабылось, поросло бльем, и жизнь понеслась по новой: гулянки, шашлыки, костры, песни и танцы. Бутылки, охлаждаемые в темных водах, дым, чад, запах горящего мяса, гомон и женский смех. Красота!

Вот и сегодня все то же. После шашлыков, картишек и волейбола затеяли нырять со скалы. И не просто так ны-

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми».

рять, солдатиком или, скажем, уточкой, а с фантазией — с вывертом, винтом, переворотами и спиной вперед. На «слабо» и «кто дальше и глубже». На звание чемпиона и приз. Какой — сами догадайтесь.

Один соискатель вынырнул чуть не посреди озера с перекошенной физиономией и выпученными глазами, завопил:
— Мужики, там тачка утонула!

И в озеро ринулись все! Воды вскипели, народ нырял с палками, надев маски, чтобы рассмотреть получше, прихватив камни, чтобы не выносило. Оставшиеся на берегу орала и подбадривали ныряльщиков, разделившись на группы верующих и скептиков. И только один человек, пенсионер, бывший директор школы Матвей Ишполито-вич, догадался позвонить в полицию.

...Там действительно была машина. Оперативники просили народ отойти в сторонку и не толпиться. А еще лучше разойтись по домам. Как же! Народ стоял насмерть, твердо намереваясь досмотреть действо до конца. А также сообщить эмчезсникам, что они козлы и надо не так, а вот так.

На закате находку наконец вытащили. Это была красная когда-то «Тойота» — страшная, с помятыми дверцами и выбитыми фарами, укутанная в ил, обросшая водорослями. Через выбитые окна с ревом рванулась наружу вода. Народ ахнул и подался вперед.

Кран опустил тяжело осевшую машину на землю, от удара багажник раскрылся, и тут же раздался дружный вопль ужаса — там был человек!

Вернее, то, что от него осталось.

Глава 1

Бойцы вспоминают минувшие дни...

Савелий Зотов пришел на точку первым. Как всегда. Он всегда приходит раньше, так как страшно боится опоздать. Человек он трепетный и тонкий, каковые качества культивированы в нем постоянным чтением дамских романов — Савелий трудится редактором отдела остросюжетной дамской литературы в местном издательстве «Арт нуво». Читать все подряд входит в его обязанности. Казалось бы, работа не бей лежачего. Ан нет! Друг Савелия, капитан Коля Астахов, любит повторять, что, если бы ему пришлось глотать такое количество... э-э-э... *этого*, он бы сей секунд застрелился. Капитан решительный и суровый человек, скажет как отрежет, рассусоливать не будет. Одним словом, ать-два, левой. «Савелий и его бабские книжки», — говорит капитан с осуждением и качает головой.

Третий член спетого разношерстного триумвирата — профессор философии Федор Алексеев, оперативник и коллега капитана в прошлом, сменивший, по его собствен-

ным словам, военный мундир на профессорскую тогу. Тот же капитан, бывший. Пижон и красавчик, по мнению Астахова, за которым бегают толпы аспиранток. Он придет вовремя, так как полностью разделяет поговорку о том, что точность – вежливость королей. Сбросит белый плащ до пят и разматывает черно-зеленый длинный шарф, если дело происходит осенью или зимой, а широкополую черную шляпу положит рядом на свободный стул, чтобы не сперли, как уже было однажды. А вот капитан, как всегда, опоздает. Влетит на рысях, стаскивая на ходу куртку и пожимая друзьям руки. Ненормированный рабочий день, перестрелки, засады... сами понимаете. Он человек государев, себе не принадлежит.

И старый добрый Митрич, хозяин точки, будет смотреть тепло и радостно... Ах да! Речь идет о баре «Тутси», штаб-квартире вышеупомянутого триумvirата, а Митрич – его владелец и бармен. Сидит себе на высоком табурете за сверкающей стойкой на фоне разноцветных винных сосудов, напоминая собой большую сонную рыбу, с полотенцем через плечо. Всех видит. И его все видят. «Тутси» приятный бар с постоянной солидной клиентурой, уютно бормочущей над стойкой плазмой, с девушкой, поющей по вечерам не какую-нибудь попсу, а старинные романсы. А по стенам фотографии знаменитостей с автографами. Постоянные клиенты, зная о маленькой слабости Митрича, любящего *имена*, тащат к нему любую мало-мальски интересную заезжую личность, будь то футболист, артист или писатель. В результате появляется очередная

фотография на стене — Митрич и знаменитость. Он прекрасно помнит обстоятельства эпохальной встречи и готов рассказать историю каждой фотки всякому, кто готов слушать.

Савелий Зотов, Федор Алексеев и капитан Коля Астахов его любимые клиенты. Когда они обсуждают какое-нибудь резонансное преступление и горячатся и капитан хватается за голову и кричит, что его уже достала мутная философия всяких сомнительных профессоров, которые ни хрена в этой жизни не понимают, так как напрочь оторваны, а всякие редакторы с бабскими книжками... те вообще! — Митрич чувствует себя причастным к событиям криминального мира и даже принимает в обсуждении посильное участие. Любо-дорого посмотреть, одним словом. Митрич поглядывает на триумvirат, умирая от любопытства, время от времени позволяет себе подойти и вставить словцо-другое: что услышал случайно, какие слухи ходят по городу, что народ говорит... голос низов, так сказать. Вокс попули. А кто ж им еще скажет или подскажет? Капитан не располагает, с ним лучше держать язык за зубами; Савелий Зотов страшно далек от народа, ему даже если скажешь, не факт, что поймет — у него свое видение. А профессор Федор Алексеев... тот на своей волне и вообще все видит через призму философского восприятия действительности. Каждому в отдельности говорить бесполезно, а вот всем сразу — не поверите! Дает результат. После криков, споров, дурацких мутных идей Савелия с Федором и сурового реализма капитана они *набредают* на интересную мысль, в

смысле версию. Капитан сопротивляется, но больше для виду. Ему непонятно, как получается, что фантастические идеи этой парочки, абсолютно идиотские поначалу, вдруг обретают некий статус возможной реальности и являют собой недостающие детали головоломки. И главное, как спелись! Савелий с бабскими книжками и бывший опер, ныне философ Федор Алексеев! Причем Федор здорово насобачился толковать Савелия: не успел тот и рта раскрыть, как Федор уже р-р-раз – и как на блюдечке толкование: так, мол, и так, молодец, говорит, Савелий, интересная мысль! И называет Савелия Дельфийским оракулом. Лицо у Савелия делается удивленным, он и сам уже не помнит хорошенько, что хотел сказать и какая мысль мелькнула в глубинах сознания. Капитан только головой крутит и крикает.

Федор Алексеев появился на пороге минута в минуту, обвел взглядом зал, махнул Митричу и направился к столику, за которым уже с полчаса маялся Савелий. Тот взволнованно поднялся: «Федя! А я уже заждался!»

Мужчины обнялись. Сентиментальный Митрич проследил и промокнул глаза полотенцем.

Федор, похлопывая Савелия по спине, приговаривал:

– Рад, рад, Савелий! Прекрасно выглядишь, загорел! Как Зося? Малыши?

– Федя, ты не представляешь... Хорошо! Они хорошо... И Зося... – лепетал Савелий. – Как-то мы растеряли друг друга, ребята, собирались на Магистерское мужской компанией... Лето кончается! Ты опять куда-нибудь?

Савелий прекрасный редактор, но никудышный оратор, все знают. Его нужно дослушать до конца, а потом ображать насчет смысла.

— Никуда, Савелий, больше никуда. Соскучился по дому. Возраст, сам понимаешь...

Кокетство чистой воды! Возраст, жажда покоя, ах, усталость... Е-рун-да! Федор еще ого-го! Орел. Наставник юношества и его же кумир, предмет обожания старых и малых. О нем ходят легенды и анекдоты, без него полиция вроде слепых котят — все знают! У каждого молодого человека, его ученика, есть черная шляпа с широкими полями или хотя бы черно-зеленый длинный шарф. Общеизвестно также, что с Федором как с гуманистом всегда можно договориться. А какое у него чувство юмора! А как он дерется! Да, да, даром что профессор — накидает по сусалам и навешает таких люлей, что не скоро опомнишься. Боксер, каратист и опер в прошлом. А то вдруг появится на лекциях в черных очках! Все знают — камуфляж. Велосипед упал с антресолей, говорит, или лыжи. Не успел увернуться. Ха! Никто, разумеется, не верит. Подрался с очередным *ооп...* особо опасным преступником и теперь прикрывает синяк под глазом. Девочки все поголовно влюблены. Да что там девочки! Все влюблены! Его афоризмы повторяют, а лекции цитируют к месту и не к месту. Молод, гибок, понимающий и видит оппонента насквозь — философ! Несмотря на легкую седину на висках... А что, даже красиво, придает этакий академический шарм и подчеркивает сверкание глаз. А студент Леня Лаптев, тот вообще пишет анналы и

житие философа Федора Алексеева и размещает написанное в сетях, приумножая славу любимого препода. Присочиняет изрядно, необходимо заметить.

Последний год Федор провел в Германии с лекциями. Митрич очень боялся, что он там останется навсегда, но Савелий и капитан убеждали его, что Алексеев вернется.

— Чтобы Федя остался в какой-то Германии?! — волновался Савелий. — Ни за что! Даже если... мало ли... тут тоже много интересных людей!

— Вернется он, Митрич, даже не думай! — заверял капитан Астахов. — Здесь родные стены, дружбаны, Магистерское озеро, наконец. Ты, Митрич, и «Тутси»! Куда ж ему без этих радостей? И аспиранток навалом, прав Савелий. Да он живая легенда, студенты на руках таскают! Не-е, вернется! Хочешь, на спор?

— Ну что вы, какой спор, — пугался Митрич. — Конечно, вернется, никто и не сомневается. Но отпустят ли? Не посулят ли золотые горы? Не подсунут ли какую-нибудь местную златокудрую диву?

— Чтоб Федька нас на бабу променял? — возмущался капитан. — Даже не думай, Митрич!

Он вернулся! В родные пенаты. Обласканный европейским солнцем, покрытый ненашенским гляncем. Они ревниво его рассматривали и замечали морщинки в уголках глаз, непривычную горькую иронию улыбки, некую появившуюся чуждость и легкую отстраненность... Чужбина! Савелий прослезился от волнения, на щеках проявились красные точки, растрепались и упали на лоб жидкие пегие

прядки... Савелий не красавец, но очень хороший и порядочный человек.

Капитан был суров и сдержан, как и подобает человеку военному. Только и сказал с легким прищуром:

– А мы уже заждались! Думали, все, потерян. Чего ж так? Плохо принимали?

– Дым отечества, – растроганно отвечал Федор. – Принимали прекрасно. Может, махнем на Магистерское, а? Поверите, снилось чуть не каждую ночь!

Да так и не махнули. Рутина, то, се... А теперь вот и лето кончается. Хоть сбежаться получилось, а дальше будет видно. Савелий давно звал, все были за, а на деле вышел пшик.

Савелий – на месте, Федор тоже. Ждут капитана. Митрич весь измаялся, фирмовые бутерброды его имени – с колбасой и маринованным огурчиком – приготовлены, холодное пиво тоже. Можно и покрепче чего, а капитана Астахова все нет.

Он появился, как всегда, взмыленный, в полете, полный радости и нетерпения.

– Федя! Савелий! Ребята! Савелий, молоток, что собрал! Митрич!

Обнялся с Федором, потом с Савелием. Они любили друг друга, эти парни. Такие разные, с разными взглядами на жизнь, из разных кругов, с разной жизненной философией... Тьфу, сказал бы капитан, услышав про жизненную философию, какая, к черту, жизненная философия? При чем здесь жизненная философия? Опять Федор мутит!

Жить надо без всякой философии, потому что жизнь проста и понятна. Не кради, не убивай, не ври... в смысле не по-крупному, и так далее. Не нами испокон веков придумано. И не надо будет никакой философии. А то насочиняли, понимаешь, оправданий: менталитет преступника, неподходящая среда, все детство простоял в углу, папашка опять-таки алконавт...

Они сели. Митрич уже летел к ним с дребезжащей тележкой.

— Как жизнь? — спросил капитан, и Савелий поспешил сказать, что все хорошо.

— Как Леопольд?

— Герман! Тоже хорошо. — Герман был сынишкой Савелия, капитан упорно называл его Леопольдом. — И Настенька! Пойдет уже во второй класс.

— Герман, конечно! — хлопнул себя по лбу капитан. — Память ни к черту. Как Зося?

— Такая же красавица? — поддержал друга Федор.

В их кругу бытовала легенда, что Савелий, шустряк этакый, отбил Зося у Федора. Да, да, вы не ослышались! Было дело. Капитан от души оттоптался на обоих, а Федор нет-нет да и упомянет о своем разбитом сердце. Савелий смущается, начинает что-то лепетать, оправдываясь, и заикается больше обычного. Ладно, я тебя прощаю, говорит великодушно Федор, подумай сам, Савелий, ну какой из меня муж? Философам должно оставаться одиночками, это классика, да и характер у меня... сам знаешь. Работаю по ночам, торчу до полуночи в бурсе, люблю думать в тишине,